

РЕЦЕНЗИИ

Элеонора Шестакова

„В КАКОМ-ТО ОПРЕДЕЛЕННОМ УЕДИНЕННОМ УНДИННОМ МЕСТЕ СЕРДЦА – ЖАР И ЖУТЬ...”

**Рецензия на монографию Е.Л. Лавровой
„М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”
(Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 400 с.)**

Первый вопрос, который немедленно и довольно-таки остро возникает при взгляде на книгу Е.Л. Лавровой „М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”, о чем она? Что значит, каким образом могут быть соединены разноликие и разнородные проявления М. Цветаевой – человек, женщина, дочь, сестра, подруга, возлюбленная, жена, мать, поэтесса – и основополагающие принципы бытия? Чьи же это основополагающие принципы бытия? Как предлагается посмотреть на М. Цветаеву – ту, которую уже довольно-таки хорошо знают как одну из самых ярких творческих личностей первой трети XX ст., ту, которая сказала о себе, о всей своей семье с предельной, почти трагически-провидческой откровенностью и обреченностью Судьбе, что у них *общая лирическая неизбывная беда*?

С. Кржижановский, посвятивший еще в 1931 г. специальную работу поэтике заглавий, уже на первых страницах ясно и лаконично исчерпывающе выразил сущность этого элемента произведения: „слова на обложке не могут не общаться со словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облакает текст и смысл, – вправе выдавать себя за главное в книге. <...> Книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двухтрех слов книга. Или: заглавие – книга *in restricto*; книга – заглавие *in extenso*” [1, с. 3]. И если первичное восприятие книги Е.Л. Лавровой действительно ставит, казалось бы, неразрешимый и не нужный в таких случаях вопрос (даже череду вопросов), то приближение, погружение и познание *единого книжного тела* снимает их, обнаруживая и обнажая иные смыслы. Более того, принципиальную невозможность какого-либо иного названия для этой книге о М. Цветаевой. Что имеется в виду?

Для современного литературоведения, как хорошо известно, характерно переплетение и взаимодействие, даже можно сказать, небывалый плюрализм методов, подходов, ценностных способов видения и артикуляции практически всех литературоведческих

категорий, понятий, явлений, в том числе и литературного произведения, сущности словесно-культурного процесса, особенностей трактования индивидуально-авторских систем, специфики понимания сложного характера творческой индивидуальности. Проблема взаимосвязи, взаимовлияния и взаимоосуществления человеческого и творческого начала в единой личности Художника рассматривается литературоведением с различных и равноценных идейно-методологических позиций: от традиционной, стремящейся актуализировать творчество культурно-историческим процессом и переживаниями личной жизни, до довольно-таки сильной во второй половине XX в. неклассической, стремящейся актуализировать творчество глубинными психоаналитическими проблемами и комплексами подсознательной жизни неординарной личности. Таким образом, Художник оказывается своего рода заложником либо константной сложности и неоднозначности современного ему культурно-исторического момента, либо сложности и неоднозначности личной, порой даже интимной жизни. Художник видится либо более всего творческим человеком, призванным одновременно выразить и запечатлеть, преодолеть и подняться над своим временем, либо более всего сгустком индивидуально-коллективных психоэмоциональных настроений, комплексов, проблем, призванным воплотить и избиваться от них в творческом акте.

Е.Л. Лаврова предлагает иной, довольно-таки интересный путь, который предполагает опасное и провокационное скольжение по грани. Той грани, в которой сходятся, соединяются и постоянно соперничают, но принципиально не могут друг без друга Человек-Личность-Художник-Время-Современность-История-Вечность. Предложенный путь – это не путь традиционного литературоведения: слишком мало объективности, фактажности и объёмности культурно-исторической эпохи; это и не психоаналитический путь: ничтожно мало попыток посмотреть на Цветаеву сквозь призму самоценных эго, либидо, семейно-родовых наследственных и индивидуально-личностных травм, переживаний, комплексов. Скорее всего, это действительно попытка найти и обосновать субстанциальные принципы бытия Художника в его цельности, целостности и беспрестанной эволюции, которая не может не коснуться одновременно и человека, и творца в той их предельной единности, которая собственно и есть тайной и чудом рождения и существования гения. Этим интересно исследование Е.Л. Лавровой, целенаправленно и системно пытающейся проследить и обосновать на разнородном материале (лирика, драматургия, проза, дневники, письма, воспоминания самой М. Цветаевой и воспоминания, замечания, реплики о М. Цветаевой), пожалуй, самое сложное и трудно определяемое, выстраиваемое в систему – особенности психологии творчества, творческого процесса и творческой личности.

Естественно, что этот путь не может быть только путем обретений, открытий, он должен быть и путем научно-исследовательских гипотез, утрат, ошибок, заблуждений и тупиков. Собственно этим он и ценен: как

творческий и вполне равноправный диалог с Художником. Конечно же можно, например, спорить по поводу трактовки исследовательницей мифа, поэзии как мира мифологического („Всё – миф...”) или же интерпретации этических взглядов М. Цветаевой („Недрёманное око высшей совести...”), или же толкования роли брака в становлении цветаевского мироощущения („Ранний брак – катастрофа...”). Но это будет разговор о частных моментах, которые по сути не касаются общей концепции.

Называя книгу „М. Цветаева: основополагающие принципы бытия”, давая каждой главе и каждому параграфу название – цветаевскую цитату, исследовательница хотела, по крайней мере мне так кажется, обозначить многогранность и внутреннюю многоликую, противоречивую, но все равно цельность того, что уже называется просто – Марина Цветаева и что не может быть познано и понято через какую-либо одну свою ипостась. Именно так понимаемая творческая цельность и создает литературный процесс, входит и созидает словесно-культурное пространство, принципиально не знающее дифференциации на мир человека и мир творца. Не случайно Е.Л. Лаврова, размышляя об особенностях мироощущения и мировосприятия Художника, приводит знаковое пушкинское высказывание о гении и толпе: он и мал, и мерзок не так, как вы, иначе. И этот принцип *не так, как вы, иначе* пронизывает всю книгу о М. Цветаевой, которая оказывается все время и по отношению ко всему миру иной.

Подбирая и выстраивая цитаты-названия, Е.Л. Лаврова даёт своеобразную мозаику и из хорошо известных, почти хрестоматийных цветаевских строчек (*искусство – третий мир, каждый стих – дитя любви, есть, о да, иные дети – тайны*), и из тех, что знакомы лишь знатокам цветаевского мира (*танец – инстинкт, пол, это то, что должно быть переборото, в воспитании, в жизнеустройстве, в жизненном темпе – всё врозь*).

При этом *единое книжное тело* выстраивается и организуется одновременно постоянными развернутыми дискуссиями с цветаеводами и стремлением ввести в историю русской литературы те аспекты мира М. Цветаевой, которые обходились, замалчивались, не брались во внимание.

Мне, например, показались чрезвычайно интересными разделы, посвященные дифференциации красоты и прекрасного („Красота – внешнее мерило...”), а также танцу („Танец – инстинкт”) и театру („Не чту Театра, не тянусь к Театру”), точнее так: роли танцевального и театрального искусства в бытии М. Цветаевой, в становлении и существовании ее именно как Художника. В этом плане перспективно слияние культурологического, историко-культурного, философско-эстетического, компаративистского и литературоведческого подходов. Именно пересечение этих подходов, как мне представляется, дало возможность Е.Л. Лавровой выстроить свою концепцию глубоко цветаевского, внутренне изначально сложного отношения не только к хрестоматийной проблеме искусства (красоты и прекрасного), но и к

тому, что очень часто находится на его маргиналиях: к танцу и театру. При этом исследовательница постоянно и целенаправленно актуализирует и проблему красоты/прекрасного и танца, театра, актера относительно непростого, иногда внешне противоречивого, но внутренне вполне логичного цветаевского мироощущения, показывая через него особенности восприятия, казалось бы, традиционных для искусства явлений. Может быть, Е.Л. Лавровой и стоило четче прописать тот философский дискурс, который в этом плане наиболее был близок М. Цветаевой. Если уж касаться взглядов Гегеля, Шеллинга, Соловьева, Бердяева, Гадамера, то почему, например, упускать из виду Валери, который по сути близок цветаевскому миру. Может быть, стоило и четче показать непосредственное влияние этого философского дискурса на мир М. Цветаевой. Однако, наверное, подобного рода подход нарушил бы единый, выдержанный и вполне внутренне оправданный стиль книги Е.Л. Лавровой, соединяющий в себе и непосредственный историко-литературоведческий анализ, и литературоведческую публицистику.

Наиболее остро специфичность и уместность именно такого стиля проявляется в главе, посвященной одной из самых сложных и трагически-страшных проблем XX ст.: беззащитности человека, и особенно Художника, перед беспрестанными политическими катаклизмами („Политика – мерзость, которой я никогда не подчинюсь”). Е.Л. Лаврова, соединяя, сплетая в единое семантическое целое цветаевские стихи, прозу, письма, показывает медленное, почти телесно ощущаемое и переживаемое движение Художника сквозь Время и Историю через свою осознанную потерю семьи, детей, собственную гибель в Вечность. Пожалуй, привычный литературоведческий анализ не смог бы передать силу и боль, одиночество и стойкость М. Цветаевой. Публицистический стиль, применяемый в этой историко-литературоведческой работе, направлен именно на те принципы бытия М. Цветаевой, которые действительно крайне трудно подвергнуть аналитике, не выхолостив и не опустошив их при этом.

Акцентирую внимание еще раз: книга Е.Л. Лавровой интересная, во многом спорная, дающая не только ответы на вопросы об основополагающих принципах бытия М. Цветаевой, но и усиленно продуцирующая огромное количество вопросов и к художнику, и к исследователю. Однако это книга, в которой проявилась М. Цветаева как *цельное полное чудо поэта*.

1. *Кржижановский С.* Поэтика заглавий. – М.: Никитинские субботники, 1931. – 32 с.